

ВИЗУАЛИЗАЦИИ СМЕРТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. С. Герасимова

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина
kerry1982@mail.ru

В статье рассмотрена визуализация смерти как процесса создания и пересоздания системы образов и символов смерти, которая осуществляется усилиями государства, средствами массовой информации, современным кинематографом, художественной литературой и искусством. Выдвинута гипотеза, что массовидное вторжение смерти в повседневность не только способствует нагнетанию страха смерти, но и девальвирует ее гуманистический статус и личную значимость. Выделена важную тенденцию современности: смерть опять становится максимально социальной и публичной, она происходит с одной группой и наблюдается другой и в этом, по мнению автора, проявляется нечто жертвенное. Смерть вновь опять делом всего социума и требует себе коллективного ответа. Современные средства массовой информации, вовлекая человечество в это коллективное шоу, способствуют формированию глобального культурного социума. Таким образом, феномену смерти в современном мире вновь принадлежат важнейшие социальные функции, которые он выполнял в архаических культурах. Доказано, что современный человек погружается в стихию активной визуализации смерти, узурпирующей сознание через сводки криминальной хроники, репортажи из «горячих точек», бесчисленное количество фильмов-ужасов. Смерть из таинства превращается в «зрелище», фикцию. По мнению автора, попытка сделать смерть мотивом современных зрелищных форм искусства связана с тем, что человек не может непосредственно ощутить, воспринять смерть, а может постигнуть ее лишь в качестве зрителя, наблюдателя за смертью другого.

Ключевые слова: смерть, зрелищность смерти, медиа-культура, СМИ, массовая культура, масс-медиа, информация, визуализация.

VISUALIZATION OF DEATH IN THE VIRTUAL SPACE

N. Gerasimova

Kharkiv national University. V. N. Karazin, Kharkiv, Ukraine
kerry1982@mail.ru

The article reviewed death visualisation as a process of creation and recreation of a system of images and symbols of death implemented by the state, mass media, modern cinema, literature and art. It has been assumed that mass intrusion of death into everyday life not only contributes to fear mongering, but also devalues its humanistic status and personal significance. The research highlighted the important trend of our time: death is again becoming the most social and public, it happens to one group and is observed by another, and this, according to the author, manifests something sacrificial. Once again death has become the concern of the whole society, and requires a collective response. Modern mass media, by involving humanity into this collective show, contribute to the formation of a global cultural society. Thus, death phenomenon in the modern world once again possesses the most important social functions it performed in archaic cultures. It has been proved that modern man is immersed in the environment of active visualization of death usurping consciousness through summaries of criminal news, hot spots reports, and countless horror films. Death is turning from sacrament into a «spectacle», fiction. According to the author, an attempt to make the death a motive of modern performing arts relates to the fact that a person cannot directly feel, perceive the death, but can only comprehend it as a spectator, an observer of the death of the other.

Keywords: death; spectacular character of death; media culture; news media; popular culture; mass media; information; visualization.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Тема смерти является актуальной для каждого, ведь суровая реальность жизни рано или поздно заставляет задуматься над тем, что на этом свете мы лишь временные гости. Отноше-

ние к смерти является одним из самых стойких в истории коллективных представлений, исследование которых позволяет выявить тенденции в формировании моделей поведения общества. Смерть является тайной, так как человек не имеет возможности описать ее извне как что-то пережитое и собственный опыт.

Феномен смерти всегда являлся проблемой для человека, культуры и философии. Он остается актуальным и в современном мире. Обращаясь к философскому анализу феномена смерти, приходится констатировать наличие в культуре множества вариантов его осмысления.

Смерть становится одним из самых популярных элементов массовой культуры, получают широкое распространение темы, связанные с моментами умирания, с возможностью жизни после смерти.

В постиндустриальном мире возникло принципиально новое отношение к смерти, связанное с ее социально-культурным контекстом.

Исследование феномена смерти осуществляется в нескольких подходах, три из которых являются основными: экзистенциализм, где смерть является основанием, определяющим существование человека в мире (А. Камю, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, Н. Бердяев); постмодернизм, рассматривающий отношение к смерти в новой гиперреальности (Ж. Бодрийяр, Б. Марков); материализм, в котором проблема смерти решается в связи с проблемами отчуждения и гармонизации индивида и рода (И. Фролов, И. Панцхава).

Цель статьи заключается в рассмотрении визуализации смерти как процесса создания и пересоздания системы образов и символов смерти в виртуальном пространстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ

Смерть стала первой тайной, с которой встретилось формирующееся человечество. Еще до изготовления орудий и возникновения речи в эпоху раннего палеолита у неандертальцев появился обычай захоронения своих сородичей. С этого не преследующего никакой жизненно значимой цели погребального действия и началась культура. Через символизм смерти в человеческую историю вошла духовность.

Осознание собственной летальности и в связи с этим сакрализация и ритуализация смерти положили начало новым взаимоотношениям между индивидами, «окультуривая» зарождающееся социальное пространство и время, задавая им подлинно человеческое, ценностное измерение. С самого начала человеческой истории смерть стала первым социальным институтом, ценностно регламентирующим модели поведения и образ действий индивидов. Под социальным институтом я подразумеваю такую форму социальной организации, которая реализуется в стереотипном поведении людей. Устойчивость подобной организационной структуры объективирована в традициях, ритуалах, обрядах, повторяющихся в каждую историческую эпоху.

Уже в первобытном обществе естественно-природное явление – смерть – стало феноменом социальным, публичным, фактором социализации индивида, его культурной идентификации. Погребальный обряд оказался той исходной структурой, по подобию которой выстраивалась впоследствии вся остальная система социальных отношений. Покойник как зримое воплощение соединения этого и потустороннего являлся сакральным центром, вокруг него разворачивались коллективные события, нарождалась культурная идентичность.

Траурные ритуалы как первые торжественные социальные действия для первобытного мышления легко превращались в обряды-табу. В траурные дни табу налагались на приготовление пищи, разжигание огня, выход из дома, произведение шума. Зародившиеся в примитивном обществе погребальные обряды во многом сохранились в неизменном виде до настоящих времен: к примеру, траурная музыка, облачение покойного в лучшие одежды, траурные одеяния провожающих в последний путь умершего, поминки, установка памятников. Сакральность погребальных обрядов, связующая низший, реальный и высший, трансцендентный миры, «отрывала» людей от земли, возвышала и одухотворяла их примитивное бытие.

Организирующее влияние смерти на формирование социального пространства и времени первобытного общества позволяет говорить о ее фундаментальном значении как социального института архаичной культуры. Институт смерти не просто первичный, но базисный социальный институт, который сразу же породил и социальный институт бессмертия, а позже, в эпоху цивилизаций, и все другие институты: религию, мораль, политику.

С возникновением цивилизаций социальный институт смерти изменился, но остался центральным компонентом всей системы общественных отношений, определяя и направляя комплекс социальных действий.

Отношение к смерти обнаруживает духовное становление человеческой личности и всего человечества вообще. Выделяют пять этапов в изменении представлений о смерти в европейской культуре [1, 455]. Первый этап обозначается формулой «прирученной смерти». Это отношение к смерти сформировалось в раннем средневековье, когда смерть не воспринималась как трагедия и индивидуальный акт. В то время на Западе еще не было распространено представление о том, что умирающего ожидает Божий суд и посмертное наказание за грехи. Человек просто «засыпал» в ожидании «второго пришествия Христа».

Второй этап начинается с XII в. и называется «смерть своя». С этого момента решающую роль начинает играть открытие индивидуальной ответственности человека за свои грехи. Если в предыдущие годы не было принято указывать имени умершего на могильной плите, то теперь появляются эпитафии, как это было в античности. Возникает представление о суде над умершим после его смерти, поэтому распространение получает обычай заказывать мессу за упокой души, чтобы облегчить посмертное участие человека на его последнем суде.

Третий этап можно назвать «смерть далекая и близкая», которая характеризуется потерей механизмов защиты человека от природы. Поэтому к смерти снова возвращается ее дикая и неукротимая сущность.

Четвертый этап определяется как «смерть твоя», которая отображает послабление веры в посмертное наказание. Теперь смерть воспринимается как предвестник встречи с теми, кто ушел раньше, и гибель близкого человека воспринимается как более тяжелая потеря, чем собственная смерть. Романтизм эпохи помогает превратить страх смерти в чувство прекрасного.

В XX ст. формируется пятая форма отношения к смерти – «смерть перевернутая». Ее начинают бояться, о ней не принято говорить, процедура похорон упрощается и передается специальным конторам, которые поставили это дело на конвейер.

На современном уровне развития общества процесс визуализации смерти осуществляется не только усилиями государства, но и средствами массовой информации, кинематографом, художественной литературой и изобразительным искусством. Сегодня можно наблюдать избыточную визуализацию и эксплуатацию темы смерти (танатальная тематика в киноиндустрии, актуализация «готического романа» в литературе, выставки художников-некрофилов) [2, 46].

Представление о смерти человека формируется в процессе конкретного социального общения, поэтому в каждой культуре присутствует свой образ смерти. Смерть является наиболее глубоким фактом жизни. Смерть является тем стандартом, без которого жизнь не смогла бы познать именно себя.

Массовое общество XX в. восстало против смерти и ведет себя так, будто смерти не существует; оно стыдится смерти больше, чем боится. Это чувство стыда является следствием исчезновения зла, поскольку медицина оказалась способна уменьшить страдание. Общество де-социализировало смерть, исключив мертвых из пространства жизни, но логика символического обмена восстанавливает эквивалентность жизни и смерти.

Отношение человека к феномену смерти и ее визуализации определяется рядом факторов: во-первых, отношение к смерти зависит от глубины понимания сути данного феномена; во-вторых, отношение к смерти во многом определяется особенностями духовной ситуации переживаемой эпохи; в-третьих, отношение к смерти в значительной части предопределяется традициями (религиозными и национальными, прежде всего), спецификой национального характера; в-четвертых, отношение к смерти обусловлено социальным статусом индивида, его принадлежностью к определенному классу, социальной группе, слою; в-пятых, отношение к смерти в значительной степени детерминировано характером профессиональной деятельности индивида; в-шестых, отношение к смерти самым тесным образом связано с мировоззрением человека, выступая в качестве одного из его компонентов, активно взаимодействующего с другими его компонентами.

В средствах массовой информации смерть тиражируется и стереотипизируется, предстает как поток ассоциаций – убийство, несчастный случай, катастрофа и т. д. Заслуживает внимания только смерть случайная, насильственная, поэтому главный акцент в хрониках происшествия делается на «эффектные» детали. Тем самым распространяются представления о смерти как абсурдном событии, что приводит к усилению страха смерти [8, 67].

В художественном пространстве гармония жизни и смерти возникает динамическая диалектика полифонического взаимодействия, одной гранью которой является конфликтность этих ка-

тегорий, экспансия жизни в смерть, а другой – их взаимная амбивалентность, поскольку жизнь является медленным умиранием, а смерть несет в себе идею возвращения и возрождения.

Смерть в современном мире детерминируется случайностью. Техника расширила ее понятие и приписала ему другой характер, поскольку природа уже не выступает в роли хранилища человеческой вины. В новое время идея вечной жизни выводится из существования Бога. Уже в самом его определении понимается способность гарантировать бессмертие. Если нет Господа, то отсутствует и вечность. Бессмертие означает посмертное существование некоторой безличной психической сущности, которая поглощается некоторым Абсолютом. К этому понятию близкое материальное или химическое бессмертие поглощения природой элементов тела. Существует также историческое бессмертие, которое достигается продолжением себя в потомках.

В последние десятилетия смерть поставлена на поток, став элементом массового производства, – как буквально, так и виртуально. В иные дни смерть обладает самой обширной аудиторией зрителей и слушателей, читателей и просто праздных обывателей.

Особенный интерес имеет ТВ. Современная экранная культура, действующая через технологии мифологизации, профанации, актуализацию воображаемого и воображение нереального, помешана на дискурсе смерти, постоянной её профанации, охоте за ней. «Великое неизвестное» кажется тем единственным, что остается вне медийной вседозволенности и всепроникновения.

Многочисленные книги и телевизионные ленты рисуют сцены техногенных катастроф, вооруженных конфликтов с многочисленными жертвами, кровавых противостояний бандитских группировок, страшных мук жертв психопатов, вырабатывая у потребителя «вкус» к подобным зрелищам. Постепенно у зрителя появляется своеобразная потребность в картинах смерти и разрушения. После убийства президента Кеннеди массу людей, по свидетельству американских авторов, нельзя было оторвать от экранов телевизоров, пока передавались все детали убийства. Через несколько дней, когда телестудии вернулись к своим обычным программам, многие испытали чувство странной пустоты [6, 20].

Смерть обезличивается и деперсонализируется как для самого палача, так и для стороннего наблюдателя. В такой ситуации влияние танатоса на формирование особенностей внутреннего мира человека, на развитие того внутреннего накала, который и заставляет человека становиться лучше, умнее и сильнее, практически сходит на нет. При таких условиях смерть «другого» перестает вызывать сильные чувства и начинает восприниматься только как завораживающее, яркое зрелище. Возможность своей смерти, в свою очередь, начинает порождать такой ужас, что о ней стараются не думать.

Масс-медиа высвобождают потоки всего того, что ранее было либо маргинализированным, либо бессознательным, либо не замечаемым как жизненная необходимость. Десакрализованная, переставшая быть интимной, сокрытой, таинственной смерть превратилась в объект массового поглощения, излюбленный медиа объект непрерывной симуляции.

Si vis vitam, para mortem («хочешь вынести жизнь, готовься к смерти») – лозунг современности, согласно З. Фрейду [10]. Австрийский психолог оказался первым, кто занялся изучением элиминации смерти из жизни, обратив, в частности, внимание на ментальный шаблон, когда любая смерть элиминируется за счёт досконального объяснения ее причин. Относительно смерти все выбирают роль наблюдателя, следовательно, масс-медиа выступают опосредующим звеном, одновременно отдаляющим нас от события смерти и виртуально максимально приближающим к ней.

Зрелищность смерти – одно из широко распространенных объяснений интереса публики к смерти. Публичность умирания и опубличивание трупа – процессы, идущие в западной цивилизации волнообразно. Беспрецедентная сложность концептуализации «новой зрелищности смерти» как фундамента глобальной культуры базируется на том, что она фактически зиждется на ломающей привычный хронотоп авангардной перцептивной парадигме, которая в качестве структурной детерминанты опирается на парадоксальную диалектику локального – глобального, рационального – иррационального и, в конечном счете, реального – виртуального. На это обращает внимание П. Вирилио (один из немногих современных мыслителей, теория постсовременности которого зиждется на визуальной доминанте): «Трагедия познания, сделавшегося вдруг информационным, состоит в том, что технонаука, становясь массовой технокультурой, уже не ускоряет Историю, а дает лишенное всякого правдоподобия головокружительное ускорение реальности» [4, 11].

Пережить других как страсть – гипотеза, объясняющая интерес публики к смерти, восходящая к работе Э. Канетти «Масса и власть», утверждавшего, что «миг, когда ты пережил других, – это миг власти» [7, 117]. При этом в какой-то момент он превращается в страстное желание претерпевать этот миг наслаждения вновь и вновь. И совсем не обязательно, что эта страсть будет деятельной, ей может быть достаточно осознания факта переживания другого, даже если другой не является актуальной реальностью для пережившего. Масс-медиа, таким образом, даруют в повседневной суеде это становящееся непрерывным чувство наслаждения. И, возможно, поэтому СМИ постепенно переходят к всё более жёстким формам демонстрации смерти.

Таким образом, смерть, в свою очередь, является одним из самых притягательных зрелищ. Поэтому символы и зрительные образы, в той или иной мере связанные с ней, стали заполнять телевизионные экраны и страницы книг, вырабатывая у постоянного потребителя массовой культуры привыкание к сценам, связанным с насилием и смертью. Тем самым она формирует восприятие кончины «иног», другого только в качестве яркого зрелища, не вызывающего глубоких экзистенциальных эмоций. Другой трансформируется в чужого. По сообщению американской прессы, свидетели мучительной гибели подростка, оказавшегося в зоне тока высокого напряжения, не только не пытались помочь погибающему, но, как впоследствии выяснилось, наблюдали за этим эпизодом и оценивали его так, словно все это многократно развертывалось уже на домашнем экране [5, 19].

Секулярность общественного сознания – гипотеза, имеющая смысл для религиозномыслящих людей. Репрезентация смерти, осуществляемая масс-медиа, является итоговым смыслом секулярности. В религиозном дискурсе смерть духовна и нравственна.

Логика масс-медиа – последняя гипотеза, учитывающая не внешние запросы, предъявляемые некими немедийными субъектами, а внутренние механизмы саморегулирующейся медийной системы. Среди них, можно отметить: 1) специфика ТВ – сериальность, когда действительно существует лишь то, что повторяемо, репрезентативно. Здесь же возникает диалектика уникального и будничного. Смерть, репрезентуемая масс-медиа, из своей будничности должна стать значимой, событийной зрителям. И в то же время она должна повторяться, дабы не оказаться историей, реальностью и повседневностью [9]. Повседневность, согласно А. Шюцу, – это общий, intersubjectively структурированный мир социального действия и коммуникации, который рассматривается как основа самой возможности быть внутри социокультурной системы. Человек принимает как непосредственную данность то, что в мире существуют другие люди, причём не просто как другие неодушевленные предметы, а как люди, обладающие сознанием. Поэтому индивидуальный жизненный мир с самого начала является не просто личным миром, а intersubjectively жизненным миром, структура которого является для человека общей с другими людьми. Индивид в связи с этим не только переживает определённым образом наличие другого или других, но и взаимодействует, осуществляет коммуникацию с ними. Личность, следовательно, не есть замкнутое существо, она экзистенция, которая проявляется по отношению к другим, и ее сущность раскрывается через «социальное конструирование реальности» [11, 129–137]. С этой концепцией перекликаются идеи К. Ясперса, Э. Фромма, М. Бубера, М. Бахтина, считающих, что субстанциональный смысл целостной сущности человека и аксиологическая мера овладения миром раскрываются через включенность в «мир intersubjectivity», где личность существует как «социальное Я» (the social self), как социальная субстанция.

Смерть как реальность человеческого существования может быть рассмотрена, по крайней мере, в трех основных модусах: смерть биологическая, смерть сознания и смерть социальная. Вместе с тем главная проблема заключается в том, что смерть («смерть-в-себе») гносеологически неопределенна, поскольку в своём присутствии фиксируется лишь косвенно, являясь исключением из эмпирического ряда событийности.

Современное общество в своем взаимодействии со смертью демонстрирует две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, это процесс десакрализации смерти. Речь в первую очередь идет о средствах массовой информации и массовой культуре, которые уделяют этой тематике значительное внимание. Смерть давно стала темой, часто затрагиваемой в кинематографе, и фигурирует даже в комедийных и мультипликационных фильмах, а для таких жанров, как триллеры, боевики и фильмы ужасов, смерть является центральной темой, вокруг которой закручивается сюжет. Другая тенденция – это процесс так называемого «изгнания смерти», начавшийся с исключения мертвых из повседневных практик и

обрядов, а затем и выселения все дальше и дальше – «из домашней интимности на кладбище... затем все дальше от центра на периферию, и в конечном счете – в никуда, как в новых городах, где для мертвых не предусмотрено ничего, ни в физическом, ни в психическом пространстве» [3, 234]. Немаловажными составляющими этого процесса стали достижения медицины второй половины XX в. Благодаря полной медикализации смерти после Второй мировой войны процесс умирания постепенно переместился из дома в стены больниц, хосписов и домов престарелых [13]. Иными словами, становятся неприличными разговоры о смерти, дети не допускаются в отделения больниц, где находятся их умирающие родственники, наблюдается «тенденция изолировать смерть в стенах больниц и моргов». Таким образом, размышляя о сформировавшемся отношении современного социума к смерти, специалисты констатируют тот факт, что ни на личностном, ни на эмоциональном уровне общество не способно адаптировать своих членов к смерти [12].

ВЫВОДЫ

Таким образом, современная массовая культура гипертрофирует зрелищную сторону чужой смерти. Человек погружается в стихию активной визуализации смерти, узурпирующей сознание через сводки криминальной хроники, репортажи из «горячих точек», бесчисленное количество фильмов-ужасов. Смерть из таинства превращается в «зрелище», фикцию. Но такая чрезмерность порождает неразборчивость, атрофирует гуманистические идеалы, ценности. Смерть перестает замечаться: она не останавливает мысль, сознание ее не удерживает, т. к. она стала частью общего (массового) потока жизни. Таким способом современный человек, на наш взгляд, создает иллюзию бессмертия, видимость жизни без смерти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр. / общ. ред. С. В. Оболенской ; предисл. А. Я. Гуревича. – М. : ИГ «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – 528 с.
2. Белоусов С. А. Духовная зрелость личности и отношение к смерти / С. А. Белоусов // Психология зрелости и старения. – 1998. – № 4. – С. 47-64.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, Издательство «КДУ», 2011. – 392 с.
4. Вирилио П. Машина зрения / П. Вирилио. – СПб. : Наука, 2004. – 140 с.
5. Гуревич П. С. Смерть как тайна человеческого бытия // Токарчик А. Мифы о бессмертии / А. Токарчик. – М. : Наука, 1990. – 240 с.
6. Гурьевич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гурьевич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
7. Канетти Э. Масса и власть / М. Бланшо, В. Зомбарт, Э. Канетти. – М. : Алгоритм, 2007. – С. 117–122.
8. Кленина Е. А., Песков А. Е. Символизация смерти и практическое бессмертие / Е. А. Кленина, А. Е. Песков // Вестник АГТУ. – 2013. – № 1 (55). – С. 66–70.
9. Луман Н. Решения в информационном обществе [Электронный ресурс] / Н. Луман. – Режим доступа : http://www.soc.ru/publications/pts/luman_i.shtml
10. Фрейд З. Мы и смерть [Электронный ресурс] / З. Фрейд. – Режим доступа : http://gumanitarist.narod.ru/hitovost/1_mi_i_smert.htm
11. Шюц А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
12. Leming, M. R. (2007) Dickinson G. E. Understanding Dying, Death and Bereavement. Wadsworth : Cengage Learning.
13. Moller, D. W. (1996) Confronting Death : Values, Institutions and Human Mortality. New York, Oxford : Oxford University Press.

REFERENCES

1. Ar'es, F. (1992) Chelovek pered licom smerti. Moskva : IG «Progress» «Progress-Akademija».
2. Belousov, S. A. (1998) Duhovnaja zrelost' lichnosti i otnoshenie k smerti. Psihologija zrelosti i starenija, 4, 47–64.
3. Bodrijjar, Zh. (2011) Simvolicheskij obmen i smert'. Moskva : Dobrosvet, Izdatel'stvo «KDU».

4. Virilio, P. (2004) Mashina zrenija. Sankt-Peterburg : Nauka.
5. Gurevich, P. S. (1990) Smert' kak tajna chelovecheskogo bytija. Tokarchik A. Mify o bessmertii. Moskva : Nauka.
6. Gur'evich, A. Ja. (1984) Kategorii srednevekovoj kul'tury. Moskva : Iskusstvo.
7. Kanetti, Je. (2007) Massa i vlast'. Moskva : Algoritm, 117-122.
8. Klenina, E. A., Peskov A. E. (2013) Simvolizacija smerti i prakticheskoe bessmertie. Vestnik AGTU,1(55), 66-70.
9. Luman, N. Reshenija v informacionnom obshhestve. Access Mode : http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_i.shtml
10. Frejd, Z. My i smert'. Access Mode : http://gumanitarist.narod.ru/hitovost/1_mi_i_smert.htm
11. Shjuc, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshlenija. Sociologicheskie issledovanija, 2, 129–137.
12. Leming, M. R. (2007) Dickinson G. E. Understanding Dying, Death and Bereavement. Wadsworth : Cengage Learning.
13. Moller, D. W. (1996) Confronting Death : Values, Institutions and Human Mortality. New York, Oxford : Oxford University Press.

Стаття надійшла до редакції 27.03.2015 р.